

пределы присущей ему природы. И одни лукавы и злокозненны, как лисица, другие отважны, дружелюбны и льстивы, как собака; иные кротки и способны к приручению, как слон, иные стыдливы и осторожны, как гусь, некоторые завистливы и любят красоваться, как павлин. Способен рассуждать из всех животных только человек.

Многие [животные] имеют память и способность к обучению, но вспоминать не может ни одно, кроме человека» (пер. В. Карпова).

Второй метод физиогномики — этнографический, опирается на выкладки Гиппократов, справедливо рассуждавшего, что у разных народов и нрав различный. Как писал в III веке комментатор Вергилия грамматик Сервий: «Вследствие небесных различий возникают и лица людей, и цвета, и размеры тел, и различия душ. Отсюда мы видим суровых римлян, легковесных греков, изменчивых африканцев, галлов, жестоких по природе и весьма острых умом, что делает природа климата» (Схолии к «Энеиде». VI, 742).

Третий метод, анатомический, исходит из изучения строения лица и тела. Долгое время считалось, что физиогномика — сущее баловство, но в XX веке исследователям удалось установить, что портреты императоров в биографическом бестселлере Гая Светония Транквилла, равно как и у его продолжателей, авторов «Истории Августов», составлены по всем канонам физиогномической науки. Таким образом, мы видим и воспринимаем римских правителей такими, какими они должны быть в соответствии с их поганым или, напротив, изумительным характером и столь же изобилующим историческими перипетиями правлением. И если первый человек государства